

Евангельская Реформация и будущее христианства: проект Владимира Марцинковского

Михаил ЧЕРЕНКОВ

© М.Н. Черенков, 2016

«Богословские размышления» №17, 2016 / Спецвыпуск «Реформация: восточноевропейские измерения», с. 168-179

Аннотация

Одним из наиболее достойных представителей восточноевропейской Реформации был Владимир Марцинковский, христианский мыслитель и проповедник межцерковного, экуменического масштаба, что позволяет его отнести к наследию большой, т.е. общей Реформации. Его программные тезисы были связаны с тремя темами – Реформацией православия, восстановления живой общинности и первохристианского духа, евангельского просвещения и преобразования общества. Иными словами, он верил в то, что можно оживить православную традицию, а затем сблизить ее с другими церквями, чтобы сообща возродить неформальную евангельскую Церковь в виде сети общин верных и сообществ ищущих. Проект Реформации Марцинковского представляется пророческим и актуальным уже тем, что он открывает надконфессиональную перспективу, отвечающую и традиционному межконфессиональному многообразию региона, и пострелигиозным настроениям нашего времени.

Ключевые слова: Реформация, евангельские христиане, православная церковь, сообщества, традиция, экуменизм.

Abstract

One of the most honored representatives of the Eastern European Reformation was Vladimir Martsinkovsky, Christian thinker and preacher, he belonged to inter-church, ecumenical scope that allows to refer him to great heritage i.e., general Protestant Reformation. His program theses were related to the three themes – Reformation of orthodoxy, revival of living communities and the early Christian spirit, and evangelical enlightenment and transformation of society. In other words he believed that it is possible to renew the Orthodox tradition, and then reconcile it with other churches to work together to revive the informal evangelical church in the form of a communities' network. Martsinkovsky's Reformation Project seems prophetic and relevant because it uncovers the prospect of nondenominational Christianity which meets the traditional interfaith diversity of the region and a post-religious sensibility of our postmodern times.

Keywords: Reformation, evangelicals, Orthodox Church, communities, tradition, ecumenism.

Одним из наиболее достойных представителей восточноевропейской Реформации был Владимир Марцинковский, христианский мыслитель и проповедник межцерковного, экуменического масштаба, что позволяет его отнести к наследию большой, т.е. общей Реформации. Его программные тезисы были связаны с тремя темами – Реформацией православия, восстановления живой

общинности и первохристианского духа, евангельского просвещения и преобразования общества. Иными словами, он верил в то, что можно оживить православную традицию, а затем сблизить ее с другими церквями, чтобы сообща возродить неформальную евангельскую Церковь в виде сети общин верных и сообществ ищущих. Проект Реформации Марцинковского представляется пророческим и актуальным уже тем, что он открывает надконфессиональную перспективу, отвечающую и традиционному межконфессиональному многообразию региона, и пострелигиозным настроениям нашего времени.

Тема Реформации требует не только радикального, дерзновенного и глубокого осмысления, но особого, предельно широкого масштаба. Нужно признать, сегодня нам крайне не хватает такого способа мышления и личностей такого типа. Творцов эпохи Возрождения называли титанами. Но реформаторы были не меньшими, скорее даже большими титанами, поскольку смогли обновить Церковь, перестроить и приготовить ее к новой эпохе.

Чтобы говорить о Реформации и реформаторах, нужно или быть титаном самому, или каким-то образом оказаться на плечах великанов и увидеть всю историческую и экуменическую панораму идей, событий, людей. Довольно рискованно говорить сейчас о «времени и деле» Мартина Лютера, мы слишком далеки от него, но есть возможность приобщиться к наследию Реформации, к ее делящейся традиции через более близких и родственных нам мыслителей. Я предлагаю вспомнить о Владимире Марцинковском.

Масштаб и характер его личности и служения позволяет называть его реформатором. Делом его жизни стал проект Реформации, охватывающий и православие, и евангельское христианство, и даже иудаизм. Обычно Марцинковского рассматривают вскользь — как человека межцерковного, т.е. ничейного. Но именно эти особенности, не интересные конфессиональным историкам, должны заинтересовать тех, кто ищет следы большой, т.е. общей Реформации. Еще в большей степени наследие Марцинковского должно быть интересным для тех, кто думает о будущем Реформации, и готов изучать историю как дело, уже начатое и требующее от нас продолжения. В этом смысле Владимир Марцинковский должен быть понят как вполне современный, а его проект может рассматриваться как завещание, отложенное до востребования, и вновь открытое лишь через сто лет.

Марцинковский был личностью масштабной — и по биографии, и по географии. Он родился в христианской семье в селе Дермань на Воляни, но в своем служении и творчестве перерос национальные и религиозные границы. Учился в Петербурге, жил в Москве, преподавал в Самарском университете. Активно участвовал в работе Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева. Был лектором Российского студенческого христианского движения (РХСД). Принял крещение у меннонитов. Выслан в Германию. Умер в Хайфе, где служил евреям и арабам, выступал на радио и редактировал украинские переводы Библии.

Обращают на себя внимание несколько программных тезисов, которые стали осевыми для жизни и служения реформатора. Они были связаны с тремя темами — Реформацией православия, восстановления живой общинности и первохристианского духа, евангельского просвещения и преображения общества.

- Во-первых, он исповедовал возможность евангельской реформации для православия через возрождение общины через крещение по вере, решительное отделение церкви от государства и личное обращение к Евангелию и Христу.
- Во-вторых, он верил в недогматическое, евангельское христианство, которое объединит все конфессии в духе ранней, апостольской церкви. Здесь живой опыт всегда будет цениться выше догмы, а личные отношения с Христом — превыше любой традиции и церковной иерархии.
- В-третьих, Марцинковский отстаивал внехрамовый, мирской образ христианства, открытого к людям и служащего им. Его храмами были университеты, библиотеки, музеи, тюрьмы — любые места, где собирались ищущие Бога люди.

Иными словами, он верил в то, что можно оживить православную традицию, а затем сблизить ее с другими церквями, чтобы сообща возродить неформальную евангельскую Церковь в виде сети общин верных и сообществ ищущих.

Марцинковский пытался представить христианство в не- или надконфессиональном виде, приемлемом даже для иудеев. Вот как он говорил в своей лекции, обращенной к студентам Хайфы:

«Мы будем говорить не о внешней стороне христианства, не о формах и обрядах; сущность христианства, его суть, его внутреннее содержание — эзотерия, а не экзотерия — является нашей сегодняшней темой. Вспомним слова Владимира Соловьева: “Когда евреи будут евреями, а христиане христианами, тогда они будут братьями”. Он хотел сказать: когда евреи вернутся к сущности своей веры, а христиане к сущности христианства, тогда они будут едины, ибо, действительно, сущность обеих вер одна и та же»^[1].

Примечательно, что сущность христианства по Марцинковскому связывается не с Церковью, но с Царством.

«Царство Божие — это сущность христианства. Оно же является и сущностью иудейства, живого, истинного откровения, данного в Ветхом Завете. Царство Божие — это, прежде всего, состояние человека и всей твари, при котором царствует Бог»^[2].

Он начинал с Церкви, с попыток ее реформировать, но в конце жизни все больше говорил о Царстве и о том, какой должна быть Церковь в свете Царства. И здесь стоит больше сказать о его понимании Церкви, ее внутреннего разнообразия, отношений с обществом и другими религиями.

^[1] Марцинковский В. Сущность христианства. — Корнталь: Свет на востоке, 1996. — 22 с.

^[2] Марцинковский В. Сущность христианства. — Корнталь: Свет на востоке, 1996. — 22 с.

Марцинковский, как и его учитель, «апостол студентов» Николаи, верил в то, что Церковь возможна «в рамках небольших групп единомышленников»^[3]. Интересно, как характеризовали его деятельность работники ВЧК: «Мы вас не считаем политическим, но линия Вашей работы для нас в настоящее время вредна. К Вам собирается интеллигенция, белогвардейцы. Но самое главное зло Вашей работы в том, что Вы работаете среди студентов и стремитесь создать единый фронт из всех религий»^[4].

Как замечает баптистский историк Владимир Попов, «Широта взглядов Марцинковского, которая так испугала работников ГПУ, была естественным свойством его многогранной личности. Принимая в сентябре 1920 года крещение от меннонитского проповедника Тевса, он поставил условие, — не принадлежать официально ни к какой религиозной общине. И это была не личная прихоть, но осознание особого призвания свыше»^[5].

В конфессиональные пределы он не вмещался. Как признавался сам Марцинковский, «Я не примыкаю в собственном смысле к какой-либо общине, но в основных взглядах, в частности, в вопросе о крещении я разделяю убеждения этих обоих течений — баптистов и евангельских христиан и потому нахожусь с ними в тесном общении»^[6]. При этом на вопрос о его принадлежности к православию, он отвечал похожим, уклончивым способом: «в частности — разделяю», «в собственном смысле — не примыкаю», иными словами — «я нахожусь в притворе Церкви»^[7].

«В притворе» или «за церковной оградой» оказались лучшие умы того времени. Они ожидали Реформации и предлагали Церкви свою помощь в этом, но очень редко находили понимание и сочувствие.

В то время как в стране происходили головокружительные перемены, церковная иерархия демонстрировала нерешительность. Прошла революция, но так и не было Реформации. Об этом чуть позже, в апреле 1939, находясь в родной Дермани, Марцинковский напишет с горечью и разочарованием: «Поистине, не в том беда, что у нас была революция, а в том наше горе, что революции у нас, в сущности, не было. Не было истинного переворота, истинной переоценки ценностей, коренной перемены в человеке. “Гибель революции без реформации”, — справедливо сказал известный мыслитель Гегель. Напрасна революция формы без революции духа, без возрождения человека»^[8].

В то же время он надеялся, что Реформация охватит молодые поколения, не закрытые в тесных религиозно-конфессиональных рамках:

^[3] Гундерсен П. Павел Николаи из Монрепо. Европейец, не такой как все. — М.: ББИ, 2004. — С. 60.

^[4] Попов В. Владимир Марцинковский и его миссия среди интеллигенции и студенчества // Материалы научно-практической конференции «Интеллигенция и церковь: призвание, реальность, тенденции». Альманах. Выпуск 1. — М.: Издательство РС ЕХБ, 2013. — С. 27.

^[5] Там же.

^[6] Марцинковский В. Ф. Записки верующего. — Новосибирск : Посох, 1994. — С. 223.

^[7] Марцинковский В. Ф. Записки верующего. — Новосибирск : Посох, 1994. — С. 104.

^[8] Марцинковский В. Смысл жизни. Сборник статей. — Новосибирск: Посох, 2013. — 128 с.

«В наши дни сгущается тьма. Надвигаются сумерки истории. Странствуя по разным краям Европы и Азии, я видел тысячи юношей и девушек, целое движение молодежи ко Христу. Они несут Его свет в практическую, личную и общественную, жизнь. Своей деятельной и радостной жизнью они вновь и вновь свидетельствуют миру, что Евангелие не устарело и не умерло – наоборот, мир и человек стареют и духовно умирают без его животворящего света. Она, эта просветленная молодежь, исповедует религию радости и неиссякающей молодости духа, способную вдохновлять и преобразовать. Она зовет и тех, кто опоздал на пути, поспешить, пока день не склонился к вечеру, принять Свет Незакатный сегодня, сейчас...»^[9].

«Свет Незакатный» в «сумерках истории» – здесь есть и трезвое, горькое понимание происходящей катастрофы, и подлинный христианский оптимизм, основанный на доверии Богу.

Примечательно, что наследие Марцинковского оказалось востребованным «инициативниками» в 60–70-е годы прошлого века. В журнале «Вестник спасения» (позже переименованного в «Вестник истины»), рупоре «отделенных» баптистов (критикующих конформизм признанного советским государством ВСЕХБ), появляются фрагменты его сочинений, наполненные критикой официальной церкви и призывом к проповеди живого Христа.

В статье «Апокалипсическое христианство» мы встречаем спор с историей и традицией:

«Вспомним не только наше личное первоначальное, восторженное христианство, но и первохристианство всей церкви... Центром, душой и священной страстью этой любви были не догматы, не формы, не идеи, – а Сам Христос. Любовь ко Христу горящая, побеждающая, жертвенная – это христианство первых и последних дней... Мы часто живем так, как будто нет живого Христа; вновь мы падаем под бременем прошлого... и мы живем с такими тревогами о будущем, с такими планами и ожиданиями, будто Он не придет»^[10].

Здесь желание Реформации совмещается с острым чувством скорого конца, поэтому Церковь должна не столько реформировать себя для долгой и успешной жизни на земле, сколько обновиться, очистить, приготовить себя к последнему времени и встрече с Христом. Путь такой Реформации проходит через выход, отделение и противопоставление себя официальной, «мирской» церкви: «Призванным к единству и миротворчеству дана заповедь отделения, выхода из мирского христианства, из Вавилона, мирской лжецеркви... приобщиться к светоносному сонму нового восторженного человечества... Увидеть луч грядущего вселенского рассвета»^[11].

Такая «апокалипсическая» Реформация предполагает также отрыв от быта ради нездешней, горней жизни:

^[9] Там же.

^[10] Апокалипсическое христианство (Заключительная глава из проповеди «Христос Грядущий» В.Ф. Марцинковского) // Вестник спасения. – 1967. – № 4 (20) – С. 13-14.

^[11] Там же. – С. 15.

«Ожидать Христа — значит быть готовым всегда все оставить, или, как говорит Достоевский, уметь всем своим существом оторваться от быта, не привязываться ни к чему в этом мире, жить иной, нездешней жизнью (это инобытие, отсюда — иночество)... Мещанство, самодовольство, привязанность к месту, буржуазное комфортабельное христианство, культу вещей — это симптомы духовного вырождения современного человека. Ничто так не способствует этому духовному сну, как утеря чувства конца и ожидания Грядущего»^[12].

И конечно же, Реформация перед лицом «Грядущего Христа», означает обновление миссионерского посвящения Церкви, активную проповедь любви Христовой: «Любящие Христа, имеют неистребимую жажду и другим свидетельствовать о Нем. Любовь любви открывается. «Иисус сладчайший», — так поет о Нем восточная Церковь»^[13].

Уже совсем скоро после этих публикаций ссылки на традицию восточной Церкви и Достоевского, «новое человечество» и «вселенский рассвет» навсегда исчезнут из журналов СЦЕХБ, что ознаменует консервативный поворот и отказ от Реформации как таковой. Тем не менее, след Марцинковского остался и в истории реформированного баптизма советских лет.

Конечно же, при всей близости и родственности Владимира Марцинковского к евангельскому протестантизму, основным его собеседником о Реформации и будущем христианства было «русское православие».

Он мечтал, чтобы обновленное в евангельском духе православие вместе с протестантскими общинами стало очагом духовного пробуждения страны. Марцинковский охотно выступал на стороне православия в публичных диспутах с атеистами, понимая, что православие для русского человека означает христианство как таковое.

Такое сотрудничество церквей в деле проповеди Евангелия беспокоило советскую власть. Согласно докладам советских пропагандистов, «Часть верующих православных стала терять уважение и веру в попов, но веры в бога они еще не потеряли. Вот из этих колеблющихся сектанты и вербовали и вербуют своих приверженцев»^[14]. Евангельский образ православия представлялся власти куда опаснее номинального христианства, поскольку сближал верующих разных традиций и мобилизовал их для активной проповеди: «Что особенно характерно в политической агитации сектантов, так это единый фронт их с попами во время борьбы с безбожниками. Когда идет борьба с безбожниками, сектанты и попы друг друга не трогают, а борются сообща против общего врага»^[15]. Но для того, чтобы православная Церковь смогла быть инициатором духовного пробуждения в народе и стать близкой для евангельских

^[12] Там же. — С. 16.

^[13] Марцинковский В. Первая любовь // Вестник истины. — 1976. — 1 (63). — С. 6.

^[14] Зарин П. Сектантство в Воронежской губернии // Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов). — М.: Мысль, 1974. — С. 91.

^[15] Там же. — С. 101-102.

протестантов, ей предстояло пройти внутренние преобразования, решиться на полноценную Реформацию.

Для Марцинковского большая Реформация начиналась с малых шагов по переосмыслению практики крещения. В революционные годы он подготовил большой доклад «Крещение взрослых и Православие» и вынес его на обсуждение группы православного духовенства и мирян, при участии евангельских протестантов; а затем (в начале 1920 г.) представил основные тезисы патриарху Тихону в виде «Докладной записки от группы православных мирян по вопросу об обновлении православной церкви». Патриарх отнесся к этому сочувственно и просил разработать этот вопрос детальнее, чтобы представить его на соборное рассмотрение. Этот эпизод достоин обширной цитаты из воспоминаний Марцинковского:

«Я пошел с согласия нашей группы с этим докладом к Патриарху. Он был тогда под домашним арестом. Незадолго до этого времени Патриарх изъявил согласие посвятить меня в стихарь для проповеди слова Божия в храмах.

— Ну, реформаторы... — начал он отечески-благодарным тоном.

— «Ваше Святейшество... мое личное затруднение заключается в том, что я на основании слова Божия признаю себя некрещеным, а в то же время я не имею желания выступать из Православной Церкви. Могу ли я быть крещеным по вере в православной Церкви?»

— «Ну, нет. Церковь признает только единое крещение».

— «Ваше Святейшество! Как же мне быть? До сих пор я ни от кого не слышал доводов из слова Божия против своих выводов...».

— «Ну, идите к анабаптистам, они вас и окрестят», — сказал Патриарх, полусуя.

— «Да, со стихарем придется обождать... Вопрос, интересующий вас, важен, — сказал Патриарх, возвращаясь к моей записке о крещении. — Работайте далее и готовьте материал для собора»^[16].

После этого патриарх рекомендовал продолжить беседу с его секретарем архимандритом Неофитом, который также советовал представить доклад на собор. Стоит привести их краткую беседу:

— «Вопрос о времени крещения может обсуждаться: это не догматический, а канонический вопрос — и формы его решения могут меняться в связи с требованиями времени».

— Когда же будет собор?.. Разве мы можем его дожидаться?

— Это, конечно, не раньше конца гражданской разрухи.

— Но ведь разруха-то и могла бы придти к концу, благодаря духовному собранию народа через собор»^[17].

Последние слова Марцинковского представляются особенно важными — «духовное собрание народа через собор» могло остановить братоубийственную войну и восстановить единство Церкви с народом на основании совмес-

^[16] Марцинковский В. Ф. Записки верующего. — Новосибирск: Посох, 1994. — С. 105-106.

^[17] Там же. — С. 106-107.

тного обращения к евангельским истинам. Увы, эта мысль услышана не была, Церковь не решилась на преобразования, а уже вскоре утратила и саму возможность даже размышлять о них.

Чувствуя этот переломный момент истории, Марцинковский призывал «думать, молиться и плакать о возрождении христианской общины», поскольку «всем ясно, что русская православная церковь в параличе, омертвела, служит государству, изменив Богу; не текут от нее воды живые Евангельского слова... Нет, собственно, и самой церкви, как живой общины верующих. Ибо Церковь — это соборная неподкупная совесть народа, собрание верующих, возрожденных во Христе к чистой, святой жизни»^[18].

По его логике, нет живой Церкви в церкви, потому что нет общины, а общины нет оттого, что не из кого ее составлять, нет возрожденных христиан, которые создают собой целое через крещение по вере.

«Нет в нашей общине сознательных христиан, рожденных от Духа, — следовательно, мы не в Царствии Божиим, не в Церкви. И получились члены Церкви только по паспорту, церковь — по названию. Причина омертвления церкви — неправильный прием в церковную общину, противный Слову Божию»^[19].

Причиной этого печального состояния церковности и общинной жизни он считал неверный порядок — когда крещение предшествует вере, в то время как должно быть наоборот — крещение должно быть по вере, которая уже есть и находит выражение в сознательной решении креститься и быть частью общины: «Не крещение приводит к обращению, а обращение к крещению. Поэтому в древней подлинно-православной церкви крещению обязательно предшествовало просвещение и обращение»^[20].

Детокрещение, по Марцинковскому, стало главной причиной обмирщения Церкви, поскольку «В церковь, которая стала господствующей, устремились не столько за благодатью, сколько за правами и привилегиями. Детокрещение было выгодным для государства, решившего вступить в союз с церковью, так как оно доставляло ему подходящий элемент в виде людей бессознательных и пассивных, готовых на послушание не только добру, но и злу, и всякому мирскому управлению»^[21].

Он напоминал, что «Евангелие, как религия свободы, признает лишь добровольное, следовательно, сознательное вступление в Церковь. Можно утверждать как закон, что духовная высота Церкви всегда зависела от серьезности приема ее членов. Крещение просвещенных совпадает с золотым веком христианства, и, когда оно будет восстановлено..., христианская община, снова засияет неземным светом Христа»^[22].

^[18] Марцинковский В. Крещение взрослых и Православие // Марцинковский В. Слово жизни. — Ашфорд: Сеятель истины, 1986.

^[19] Там же.

^[20] Там же.

^[21] Там же.

^[22] Там же.

Свободу он считал евангельской ценностью и видел ее в жизни сектантских общин, принципиально неподвластным государству и держащихся исключительно на доброй воле и общих убеждениях:

«Наблюдаю годами жизнённость свободных христианских общин, приемлющих лишь крещение обращенных — евангельских христиан, баптистов, и думаю, как засверкает творческою благодатью православная община с ее многосторонним историческим прошлым, с ее красотой храма, богослужения, когда догматы, сохраненные верным преданием, будут не только на бумаге, но и на деле, когда они перейдут в живую, действенную практику. И создается древнехристианская община, которая втянет в себя лучших людей, жаждущих социальной справедливости, Царства Божия на земле»^[23].

Здесь мы видим, как частный вопрос детокрещения переходит в целостный план церковных преобразований, охватывающих и вопросы социальной справедливости, и мессианские чаяния Царства Божия на земле.

Речь шла о Реформации, которая вернет жизнь в церковные структуры, изменит отношения священников и мирян, расширит христианство за храмовые пределы в жизнь обычных людей:

«Если церковная община будет состоять только из возрожденных, то есть церковь будет Церковью, то не будет в ней тех тысяч мертвых мнимых христиан, над которыми одному пастырю приходится механически совершать бесконечные требы, не имея возможности ни поучаться в Слове Божием, ни поучать, ни способствовать возрождению новых членов. Священники из среды возрожденных будут только по Божьему призванию и всеобщему избранию. Одни из них будут совмещать свое безвозмездное служение с профессиональным трудом учителя, доктора, ремесленника (проект священника Красносамарского), другие, всецело занятые пастырством, будут на добровольном иждивении общины, — ибо разве верующие не будут гореть желанием поддерживать телесную жизнь того, кто способствовал их духовной жизни, их рождению в жизнь духа, истощая душу и тело для спасения ближнего! А храмов будет столько, сколько будет домов, — религия будет в самой жизни, и литургия верных, эта брачная вечеря Агнца, будет твориться, а не изображаться в каждой домашней церкви, как во времена апостолов, и Сам Христос будет вечерять с нами»^[24].

«Храмов будет столько, сколько будет домов» — здесь Марцинковский своей дерзновенной верой превосходит самого Лютера, поскольку лишает огосударствленные церковные структуры не только доходов от индульгенций, но и их монополии на церковность, на право говорить от имени всей Церкви.

Возлагаемые надежды то, что столь ожидаемый собор станет реформаторским, не оправдались. Работу собора, участником которого Марцинковский

^[23] Там же.

^[24] Там же.

был, верно характеризовали как охранительную, не творческую и не реформаторскую, хотя среди представленных проектов был и доклад о порочной практике детокрещения.

Так был упущен последний шанс для православной Реформации. Уже вскоре был обнародован декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. «Народ массами стал отпадать от Церкви, поскольку он принадлежал к ней лишь формально. И как обыкновенно, отпадение легко перешло в богоборчество, атеизм и антитеизм»^[25].

В своих «Записках верующего» он приводит показательный пример: «В одном селе Казанской губернии крестьяне вынесли престол из храма на улицу и расположились вокруг него обедать. Однако местные татары не потерпели такого поругания святыни. Они отобрали престол и поставили его на место»^[26]. Наблюдая за массовым расцерковлением еще вчера православного народа, Марцинковский обращал внимание не только на пустоту воинствующего атеизма, но и на «неправды официального христианства», задавался вопросом о «возрождении Православной Церкви».

В массовом исходе людей из Церкви он видел знак ее обновления: «Уже в том состоит очищение церковной общины, что отходят от нее лицемерные элементы, раньше примыкавшие к ней только из корысти и мирских выгод, которые давала принадлежность к официальной церкви»^[27]. И если Церковь добровольно не шла на восстановление общинной жизни и евангельской простоты, то этому способствовали репрессии со стороны государства.

Марцинковский описывает церковные службы в тюрьме не без радости о того, что хоть здесь «реформация» удалась:

«Согласно желанию заключенных, богослужения были разрешены, и для них было отведено в тюрьме школьное помещение. Это небольшой светлый зал, со школьными скамьями. На боковых выступах стен нарисованы портреты: слева — Карла Маркса, справа — Троцкого. В этом импровизированном храме не было иконостаса — средостения, разделяющего мир от клира, прихожан от духовенства. И это в свою очередь служило сближению религии с жизнью — небесного с земным. Много церковных споров и горячих протестов было направлено на эту реформу. Уже Патриарх Тихон разрешил некоторым московским священникам служить при открытых царских вратах — но это вызвало споры, и позднее было отдано распоряжение об отмене этой маленькой реформы. Но здесь в тюрьме жизнь безболезненно произвела реформацию (можно бы сказать — операцию) в Церкви и не только открыла царские врата, ведущие в алтарь, но устранила и самый иконостас. И все молящиеся оказались в алтаре, в Святом-Святых православного храма. Все просто, как, может быть, было в перво-христианских катакомбах»^[28].

^[25] Марцинковский В. Ф. Записки верующего. — Новосибирск : Посох, 1994. — С. 47.

^[26] Там же.

^[27] Там же. — С. 170.

^[28] Там же. — с. 171-172

Ратую за православную Реформацию и открыто исповедуя крещение по вере, Марцинковский оказывался в некоем межцерковном, ничейном пространстве — между западными и восточными влияниями. При том, что ему лично это было комфортно, он не мог игнорировать вопрос: «Какое вероисповедание победит в России? Будет ли это западный протестантизм или восточное греческое православие?»^[29]. Отвечал он так:

«Я лично полагаю, что в России будет русское христианство — так же, как в Германии есть немецкое, и в Византии было греческое. Притом это будет христианство свободно принятое, а не внушенное сверху, со стороны власти, до известной степени предписанное, как это было в X веке, во время крещения Руси. Наконец, это будет христианство не X века, а XX века — ибо Дух Святой говорит Церквам и донныне. Верую, что по-настоящему насытится русская душа лишь вселенским христианством, представляющим синтез, сочетание западной мужественной активности и восточной нежно-женственной созерцательности. Ценности православия, его некоторые глубокие догматические толкования, его пение и музыка должны быть сохранены и оживотворены той сознательной личной верой, которую богато свободно-евангельское христианство»^[30].

В этих сжатых ответах мы видим образ будущего христианства, которого чаял Владимир Марцинковский: христианство с национальным характером и культурой; свободное, сознательное и просвещенное; современное и творческое; синтетическое, восточно-западное, вселенское; православно-евангельское и глубоко-личное. К большому сожалению, этот проект до сих пор не вызывает интереса у тех традиций, которые были реформатору одинаково близки и сближению которых он посвятил свою жизнь.

Владимир Марцинковский думал не только о реформе православия, но и о новом будущем для евangelьского христианства. Он думал о такой реформации, которая сблизит бы и обновила в этом сближении не одну, но обе традиции. Больше того, он мечтал о христианстве, которое было бы привлекательным для других религий. Речь шла не только об иудаизме, но даже о буддизме. Вслед за Владимиром Соловьевым Марцинковский «приписывал Будде в некотором смысле роль Иоанна Крестителя в языческом мире, ибо он подготовил в нем отвращение к царству тьмы, без чего невозможно обращение к царству света»^[31].

Иными словами, он мечтал о том, чтобы истина христианства очистилась от конфессиональных (и шире — религиозных) форм, скрывающих ее универсальный масштаб.

Завещание Марцинковского для православных и евangelьских христиан наших дней можно сформулировать так: Церковь может обновиться только тогда, когда станет живой общиной спасенных и крещенных по вере, свобод-

^[29] Там же. — с. 223.

^[30] Там же. — с. 224.

^[31] Марцинковский В. Смысл жизни. Сборник статей. — Новосибирск: Посох, 2013. — 128 с.

ной от государства и своих собственных конфессиональных стереотипов, социально ответственной и миссионерской. К сожалению, он так и не увидел Реформации в православной Церкви, но зато был участником и свидетелем того, как возникали новые общины — в тюрьмах, больницах, библиотеках и университетах. Возможно, будущее Церкви связано именно с такими сообществами христиан. Их существование — свидетельство того, что Реформация продолжается, не дожидаясь соборов и официальных решений.

Духовный наставник Марцинковского, барон Павел Николаи за неделю до своей смерти в 1919 году написал в письме: «Это тьма перед рассветом. Царство Божье никогда не погибнет!»^[32]. Марцинковский также видел «Свет Незакатный» до конца своих дней, даже в событиях мировых войн и коммунистических репрессий. Сегодня их биографы задаются вопросом: «Какими могли быть последствия для России, если бы Николаи и его соратникам, мирянам и священнослужителям, тем, чья деятельность имела в своей основе глубочайшую личную веру и осознание ими своего долга перед обществом, история предоставила больше времени для завершения начатого ими дела?»^[33].

Мы, наследники этих реформаторов, в канун великого юбилея европейской Реформации, просто обязаны задать себе аналогичный вопрос: какими могут быть последствия для наших стран, народов и Церквей, если бы мы наконец решились принять всерьез проект Владимира Марцинковского и воплотить его в жизнь хотя бы частично?

Библиография

- Апокалипсическое христианство (Заключительная глава из проповеди «Христос Грядущий» В.Ф. Марцинковского) // Вестник спасения. — 1967. — 4 (20) — С. 12-16.
- Гундерсен П. Павел Николаи из Монрепо. Европейец, не такой как все. — М.: ББИ, 2004. — 88 с.
- Зарин П. Сектантство в Воронежской губернии // Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов). — М.: Мысль, 1974.
- Марцинковский В. Крещение взрослых и Православие // Марцинковский В. Слово жизни. — Ашфорд: Сеятель истины, 1986.
- Марцинковский В. Первая любовь // Вестник истины. — 1976. — 1 (63). — С. 6.
- Марцинковский В. Смысл жизни. Сборник статей. — Новосибирск: Посох, 2013. — 128 с.
- Марцинковский В. Сущность христианства. — Корнталь: Свет на востоке, 1996. — 22 с.
- Марцинковский В. Ф. Записки верующего. — Новосибирск : Посох, 1994. — 271 с.
- Попов В. Владимир Марцинковский и его миссия среди интеллигенции и студенчества // Материалы научно-практической конференции «Интеллигенция и церковь: призвание, реальность, тенденции». Альманах. Выпуск 1. — М.: Издательство РС ЕХБ, 2013. — С. 16-30.

^[32] Гундерсен П. Павел Николаи из Монрепо. Европейец, не такой как все. — М.: ББИ, 2004. — С. 68.

^[33] Там же. — С. 74.